

Асия Арсланова

Ривален и Бланшефлер

Как некий юноша, в скитаньях без возврата
Иду из края в край и от костра к костру...
Я в каждой девушке предчувствую сестру
И между юношей ищу напрасно брата.
Щемящей радостью душа моя объята;
Я верю в жизнь, и в сон, и в правду, и в игру,
И знаю, что приду к отцовскому шатру,
Где ждут меня мои и где я жил когда-то.

Максимилиан Волошин

Герои

Фолкмар

Король Магнус

Принц Алрек

Принц Бьярни

Принцесса Альвгерд

Принц Аскел

Леди Мальфрид

Мэтр Кьярваль

Шут Болли

Гуннaland

Княжна Зоэ

Корнуэльс

Королева Изольда

Принц Марк

Юноши при дворе:

Ривален

Рослейф

Вальди

Линд

Кенред

Вальбрун
Рамби

Говернал

Арморика
Граф Риоль

Деревенский староста Орри
Нориг
Бланшефлер

Вдова Катель
Сьё
Теган

Бард Гвенель

Пролог

Хорошо помню, как впервые увидела эту девочку – дочь моего брата. Мы поднялись в ее покои под самой крышей замка. Комнаты совсем не отличались от тех, которые занимали мальчишки-принцы. Крохотные, темные, сырые. Повсюду книги, оружие, счетные доски, песочные часы. В углу возятся щенки. Увидев нас, Альвгерд радостно вскрикнула:

– Папа, папа, послушай, что мы разбираем с мэтром Кьярвалем! *«Поверьте, бесполезны уши, пока не пробудились души»* – чудесно, правда? Это из «Рыцаря со львом»...

Ее учитель, огромный, раскормленный на королевских харчах, неловко нам поклонился.

– Альвгерд, твоя тетушка прибыла. Теперь она займется твоим обучением, – слишком мягко, как мне показалось, объявил брат.

Девочка подняла на меня глаза, синие, еще по-отрочески пустые, под капризно сведенными бровями, и ничего не сказала. Меня ждало нелегкое время.

Могу ли я винить своего коронованного брата, что за четырнадцать лет он не озаботился должным воспитанием дочери, единственной принцессы в своем поколении, залога достойного союза с одним из сильных королевств? Пожалуй. Но уж таков Магнус. Вся его жизнь – это мудреные книги, ученые изыскания, бесконечные диспуты. Перестроить доставшийся от прадедов замок и не подумает, зато возводит первый в королевстве университет. Утром толкует со строителями, вечером переписывается с профессорами – где тут уследить за подрастающей дочерью?

Могу ли я винить себя, что никогда прежде не думала о детях своего брата? Пожалуй. Но уж такова жизнь чародейки.

Толстенкая золотистая сипуха принесла письмо из Фолкмара за пару недель до Литы. Отвязывая крохотный тубус от ее лапки, я все гадала: новый заказ из Гардарики? приглашение в Гунналанд?.. Послания из дома, из трехсотлетнего замка в краю хвойных лесов и северных сияний, в тубусе быть просто не могло. Когда-то я сама решила поменьше общаться с братом, и мы оба привыкли отделяться редкими поклонами через знакомых. Тем не менее, писал именно Магнус, и не просто писал – просил.

«Дражайшая сестрица!

Вести о тебе почти не достигают наших земель. В последний раз поклон от высокородной леди Мальфрид мне передал известный врачеватель мэтр Гери, проезжавший через Фолкмар прошлой осенью. По его словам, он приобрел у тебя некие эликсиры и декокты, необходимые в его ремесле. В день вашей встречи ты была в добром здравии и бодром расположении духа. Надеюсь, все так и ныне.

Хочется верить, что годы благородного чародейского труда помогли тебе примириться с теми печальными событиями, что увели тебя из родного дома. Сужу, конечно, исключительно по собственной судьбе. Пережить смерть моей дорогой Лив я смог только благодаря своим обязанностям короля, отца и попечителя университета.

Обратиться к тебе меня также заставил королевский и отцовский долг. В апреле моей дочери Альвгерд исполнилось четырнадцать лет. Как ты помнишь, этот возраст у нас и в соседних землях считается возрастом невест...»

Помнила ли я? Разве можно забыть лучший год своей жизни? Когда ты вдруг из нескладного подростка превращаешься в нежную девушку. Когда на тебя иначе начинают смотреть семья и придворные. Когда вместо строгих темных платьев впервые надеваешь наряд взрослой дамы, на который не жалеют привезенных из Венеции шелков. Когда опускаешь глаза долу, выслушивая сватов со всего света, а в душе ликуешь, ликуешь, ликуешь. Когда впервые играешь в шахматы с будущим женихом и ловишь на себя его взволнованные взгляды. Когда...

Но разумнее продолжить чтение.

«Мальфрид, вот уже два месяца мы принимаем сватов и выслушиваем их рассказы о юношах из достойнейших семей. Буду честен, пока ни один из них не приглянулся ее высочеству. И боюсь, виной тому ее неготовность вступить в брак. Я по своей занятости и, что там, глупости просто не подумал, что дочери нужно дать особое, женское воспитание. Растил ее так же, как ее братьев (Альвгерд изучает семь свободных искусств, не отстает в фехтовании и игре в тавлеи, пробует слагать стихи). В конце концов, просто не уведомил о возможности обручения и свадьбы.

Вижу, как ты сейчас вскидываешь брови, но приезд первых сватов оказался неожиданностью и для меня, и для моей девочки, и для всего двора...»

Нет, я не вскинула брови. Я легко могла представить, что Магнус и вправду позабыл о возрасте своей дочки. Ведь пропустил же он мое собственное обручение, чтобы прослушать курс лекций по эльфийскому праву в Эзме. А вот девочку было

мучительно жалко. Нашлось ли у нее подходящее платье для приема? Кто ее причесал? Не пришлось ли ей краснеть за своего растерявшегося папашу?

«Тогда руки моей дочери просил сэр Ульрик, наследный принц Фрисланда. В свои восемнадцать он поучаствовал в десятке набегов и захватил два судна. Ума не приложу, много это или мало, но его закутанные в меха сваты выглядели устрашающе. Мы с детьми потом искали на картах остров Фрисланд, но так и не нашли.

С апреля у нас побывало еще с полдюжины посольств. Все они привозили портреты королевских сынков: юных и не очень, ученых и не отличающих аза от буки, отважных воинов и никогда не бравших в руки меча. Дочка не желает слышать ни об одном из них.

Милая сестра, не знаю, в праве ли я просить тебя об услуге. Но памятью о нашем общем детстве, о нашем общем доме заклинаю – приезжай и помоги мне с Альвгерд. Лучше тебя никто не сможет подготовить ее к замужеству».

О, в каких-то вещах мой брат совсем не так наивен, как в марьяжных! Толика воспоминаний, толика самоуничижения, толика лести – и вот я уже собираюсь в Фолкмар. Не жалею колдовской силы и добираюсь быстрее любой почтовой птицы.

Несмотря на прошедшие годы, я без всякого трепета вошла в продуваемый всеми ветрами замок из темного камня и темного дерева. Вдохнула почти позабытый запах сосен, мха и пыли. А вот увидев немолодого, поседевшего, ссутулившегося Магнуса, растерялась. Тем более на носу у него красовалось странное приспособление из двух полированных кристаллов.

– Ааа, – поймал он мой взгляд, – это мне выписал у цвергов сын Бьярни. Другие дети изучают высокие науки, а этот с детства любит всяческие машины и механизмы. Но диковинка меня порадовала! Я уже стал слабеть глазами, а с ней опять четко вижу.

– Это все книги, брат! Знаешь, о чем я подумала, дочитав твое письмо? «Интересно, от какого тома отвлекли Магнуса сваты сэра Ульрика».

– От «Начал» Евклида, – покался король с улыбкой. – С этими сватами житья нам не стало, Мальфрид! Ни почитать, ни поработать, ни уехать надолго. Являются, бежишь со строительной площадки с короной подмышкой, спешно обряжаешься в лучшие одежды, посылаешь за Альвгерд. Потом сидим оба, покрасневшие и злые, пугаем благородных гостей. И откуда только берутся? Мы же вечно слыли за чудаков у всех соседних королей с этой нашей любовью к книгам! Ждать не ждали, что найдется столько желающих жениться на нашей принцессе!

– Вот уж глупости, Магнус! Твоя земля богата учеными людьми. Ведь и по сей день королевские дома приглашают для своих детей учителей из Фолкмара? С чего бы они про тебя забыли?

– Твоя правда, сестра. Но, позволь, я поблагодарю тебя за скорый визит. Я и не рассчитывал, что ты так быстро откликнешься на мою просьбу, – брат сжал мою руку.

Вскоре я обжилась в замке и познакомилась со всеми его обитателями. Со времен моего отца здесь прибавилось учителей и не прибавилось уюта. В обеденный час приходилось тесниться за столом с десятком пожилых мужчин, из-за вечной темноты жечь без счету свечей, жевать пресное жесткое мясо.

Сыновья Магнуса мне понравились не слишком-то. Старший, Алрек, был пугающе похож на своего отца в юности. Так же долговяз, так же неловок, так же занят своими штудиями. Он изучал астрономию, помогал с университетскими указами и никогда не замечал чернильных пятен на своем платье. Второй, Бьярни, выдался в клан матери: был ниже, кряжистее, светлее волосом. Этот вечно разъезжал по королевству и толкался по мастерским. Младший, Аскел, – еще подросток. Мечтал стать величайшим ритором северного края, и спасенья от его громогласных речей нигде не было.

Наконец, дочка Альвгерд. Видят боги, я желала ей помочь, и причиной тому было наше несомненное сходство. Двадцать весен назад я выглядела, ровно как она. Слишком высокая, слишком бледная, слишком тощая, зато с прекрасными темными волосами и глазами удивительной синевы. Вот что однажды сказал о ней шут Болли (а я случайно услышала и запомнила): «Все-таки немного жаль, что леди Альвгерд родилась в апреле. Только из-за этого лавры самой светлокожей и темноволосой принцессы на свете достались Белоснежке. Наша королева Лив просто не могла сравнить кожу своей дочки с летящим за окном снегом!»

С этого доброго намерения и начались мои мытарства. В Фолкмаре было сложно все простое, человеческое, земное: отмыть каминный зал и застелить его коврами, найти учителя по танцам и достойного портного, купить шелк и парчу приятных оттенков, почистить семейные украшения. Жители королевского замка умели доставать редчайшие книги из-за семи морей и не ведали, где живет хороший сапожник. Пожалуй, больше всего толку мне было от Бьярни. Он знал хоть каких-то мастеров. А вот Альвгерд, которую мы с ее отцом освободили от всех занятий в надежде заинтересовать женскими премудростями, не желала помогать вовсе.

Девчонка оказалась на удивление не сговорчива. Расхаживала в костюме для фехтованья, кривила лицо при виде новых нарядов, сбегала с уроков танцев и, самое главное, не желала со мной разговаривать.

А ведь мне было и так не просто! Я почти уже и не помнила, в чем меня наставляла матушка в пору моей юности. Ни во время учебы в Эзме, ни в собственной колдовской башне все это не пригодилось. Там со мною были самые скромные одежды, самый незамысловатый быт и много труда. Все, чтобы лишний раз не глядеться в медное зеркало. Все, чтобы не думать про свои потери. Но невесте из славного дома требуется куда больше, и я припоминала, советовалась, искала, шпыняла.

Спустя две седмицы от меня начали прятаться племянники, их учителя и слуги, зато залы выглядели совсем иначе, из покоев принцессы были выдворены собаки и вынесены мечи и арбалеты, наряды шились в положенный срок и – это моя особая гордость – лучший живописец королевства взялся за портрет леди Альвгерд. Настало время задуматься о кандидатуре жениха!

В один из дней после летнего солнцестояния я опоздала к утренней трапезе. Почти все, с кем мы делили стол, уже разошлись. В каминном зале остались только принцы Алрек и Бьярни. Подъедали кабаний окорок и рассматривали какие-то чертежи. Услышав их речи, я не стала торопиться входить в зал.

– Ну и не повезло Альв! – ворчал старший. – Тетка ее совсем загоняла. Вот когда порадуешься, что не родился девчонкой и не должен жениться, просто потому что пришло время.

– Думаешь, принцев не женят против их воли? А Кейльхарт из Вальтербурга? Семья велела, и как миленький поехал просить руки княжны Зоэ. Зато Северный Гунналанд не вышел из состава королевства.

– Честно говоря, мне кажется, отец просто забыл про все эти свадьбы-женитьбы. Если бы не приехали сваты в апреле, Альв бы по-прежнему складывала стишки и разъезжала на своем сивом.

– А ты сам не думал о женитьбе, брат?

– Ну, вот достроим университет...

– Интересно, нас перед свадьбой тоже заставят наряжаться, плясать и кланяться?

– Говорю же! Радуйся, что ты не девчонка!

– Если что, я могу рассказать невесте принцип работы перегонного куба, – Бьярни хохотнул, Алрек закатил глаза.

Тупые мальчишки! Я развернулась на каблуках и вернулась в свои покои. Мысль в голове была одна: как я из важной гостьи и благодетельницы обратилась в ту, над кем смеются? Разве я не отложила все свои дела и не примчалась на помощь? Разве я не запретила себе думать про все, что пережила в этом замке на пятнадцатом году жизни? Чем они недовольны? Почему даже брат теперь при встречах прячет глаза и опять все дни проводит на строительной площадке?

Я перебирала одну свою эмоцию за другой: негодование на Магнуса, раздражение на Альвгерд, презрение к мальчишкам. Наконец, огонь в моей душе поднялся, и я смогла призвать видения.

Первым делом нахожу взглядом принцессу. Почему она в библиотеке, а не в своих покоях? Почему не вышивает, а обложила книгами и восковыми дощечками? И кто это рядом с ней? Опять рыжий шут? И почему я не видела эту девчонку такой заинтересованной, даже когда привезла ей платья от мэтра Гамалля?!

– Что, Болли, учишься тому трюку? Ну, когда нужно стоять на руках на кончиках двух мечей?..

– Учусь. Смотрите, как ладонь порезал. Плакала по мне моя лютня.

– Плакали по мне мои книги! Знаешь, да? Тетка запретила мне заниматься с мэтром Кьярвалем! А мы с ним как раз «Рыцаря со львом» разбирали...

– Неужто думает, что если засадит вас за пяльцы, вы тотчас замуж побежите?

– Или буду любезнее смотреть на господ сватов?

– С теми дикарями с Фрисланда вы мило держались. Право слово.

– Это с непривычки.

– Не хотите замуж?

– Ну куда мне замуж, Болли? Я баллады и сонеты писать хочу, поехать в Эзму, учиться у мэтра Кретьена...

– Говорят, ему гору золота нужно выкатить за учебу.

– Да, я думала про это. У папы просить не могу, сам понимаешь. Остается одно – поехать на конкурс стихотворцев. Победителя он год учит без всякой платы.

– Ох, в этом конкурсе же барды со всего света участвуют.

– Знаю, и нипочем бы не решилась ехать, да тут произошло кое-что... Сохранишь секрет?

– Чтобы мне больше не взять в руки лютню!

– Слушай! Ты же знаешь мою главную беду? Мне не о чем писать. Нет своих сюжетов. Ну не про уроки же вышивки и ссоры с теткой рассказывать? Поэтому для тренировки я перекладываю пока стихами чужие истории. Несколько дней назад тайком пробралась к мэтру Кьярвалю, и он предложил взяться за легенду о Ледяной деве. И, ты знаешь, ладно пошло. Строка за строкой, строфа за строфой... И тут слышу, вскрикивает мэтр Кьярваль! Первая мысль: тетка нашла меня! Поведет на клятые танцы! Поднимаю глаза: а за окном снег! Знаю, что звучит как сумасшествие, но в том-то и дело, что и учитель его видел... Стоим и не верим. Июнь на дворе. Снега, конечно, немного, и весь у нашего окна. Тут мэтр Кьярваль подозрительно спрашивает, о чем я писала. Показываю строчки про снежную бурю над Фолкмаром в стародавние времена. Он медленно садится на сундук, долго молчит, а потом говорит, что у меня, наверное, способности к магии слова... Знаешь, что это?

– Есть разная природа магии. Кто-то колдовские силы из своих чувств берет, кто-то – из мощи тела, а вы, значит, – из ума, из слов...

– Мэтр Кьярваль так думает! Но, говорит, нужно еще проверить, волшебника какого спросить или нескольких.

– Леди Мальфрид?

– Вот уж нет! – девчонка фыркнула. – И, Болли, мне эта магия не очень-то нужна. Мне *другой* магии хочется. Той, что есть у мэтра Кретьена. Когда ты складываешь слова, а люди потом следят за полетом твоей мысли и верят в твоих героев. Уж ты-то понимаешь.

– Да, когда выхожу вперед с лютней.

– И снег за окном мне вот почему важен. Это же значит, что мои стихи достаточно гармоничны и осмыслены. Значит, я могу ехать в Эзму... Вот бы еще сюжетов своих!

Принцесса и шут продолжали обсуждать свои мечты и мечтенки. А мое сознание уже неслось в собственное тело... Подглядывать еще и за королем не имело смысла. К нему нужно было бежать в человеческом обличье и требовать скорейшего замужества Альвгерд.

Магия слова! Так юная принцесса не просто так обкладывалась книгами? Значит, и в ней жила эта дурная сила, которая вихрем уносит тебя из нормальной жизни, отнимает людей, развращает душу? Разве боги не видят, что этой семье достаточно одной колдуньи?

Через полчаса (время на сестринские уговоры) я толкнула короля Магнуса в библиотеку и опять приготовилась *наблюдать*. Не время копить чары.

– Альвгерд, дочка, ты здесь? Зачем ты прячешься? Ну-ка выбирайся из-под стола!

– Ох, папа, но ведь я знаю, почему ты пришел... Почему тебя прислала леди Мальфрид...

– И для чего же?

– Будешь распекать меня, что я увильнула от вышивания и треплю нервы своей тете, которая так благородно посвятила нам свое время?

– Не совсем. Покажешь, что написала?

– Пыталась сложить гневный катрен. Мысль была чудесная (о том, что королевские дочери превращаются в дочек сервов, когда дело касается брака), но рифма не ловилась за хвост.

– Может быть, получится терцет?

– Ох, папа, – в голосе принцессы зазвучали слезы, – не будь таким милым. Теперь я вижу, зачем ты пришел. Это же портрет очередного жениха?

– Мы правда хотим позаботиться о тебе, Альвгерд. Никто не хочет выдать тебя за первого встречного. Мы с твоей тетей рассмотрели все предложения... В том числе тех принцев, от чьих сватов ты пряталась. Нам кажется, мы выбрали наидостейншего и в интересах короны, и в твоих собственных. Погляди, это принц Марк – сын королевы Изольды из Корнуэльса. Ему всего 16 лет. Он хорошо учен, но больше любит балы и охоту... Впрочем, может мы ли мы его упрекать? Ни во всех землях так ценят науки, как в нашем крае.

Но его дочка лишь мельком взглянула на портрет принца.

– Корнуэльс, папа? Королева Изольда?!

– Ну да.

– Но, папа, королева Изольда же *мертва*! Об этой пели все менестрели, которые приезжали к нам в замок! Да ты знаешь эти песни! Тристан, Изольда, гробы из халцедона и берилла, терновник на могиле...

– Ох, Альвгерд, чем только не забита твоя голова! – король расстроено посмотрел на дочь. – Но ведь от брака тебе не скрыться. Ты наша единственная принцесса, и, конечно, соседние правители хотели бы видеть тебя женой своего сына или племянника.

– И ради этого я читала «Ивэйна» и «Ланселота», зубрила эльфийский, училась фехтовать?

– Милая, это только моя вина. Сама знаешь, будь твоя матушка жива, мы бы учили тебя совсем другому.

– Слова тети Мальфрид!

– Не нравится принц Марк? Помни, что есть еще шесть принцев, которые сделали тебе предложение. По осени так славно было бы сыграть свадьбу.

– А почему мне должен нравиться тот, кто ни с кем умнее гончей не общался? *Любит охоту и балы*, видите ли!.. – принцесса вскочила и выбежала из библиотеки. На оставленной ею восковой дощечке король Магнус прочитал пару стихотворных строк с нехитрой рифмой *брак – дурак*.

В это время девчонка мчались в свои покои в самой высокой башне замка. У меня появились дурные предчувствия. Так и есть! Альвгерд заметалась по комнате. Наряды

от мэтра Гамалля летели в одну сторону, оружие, книги и костюмы для фехтования – в другую.

Нужно торопиться! Я вскочила и, путаясь в полах платья, побежала к воротам замка. Да еще и каждому встречному кричала, не жалея голоса: «Ну-ка за мной!». Будь то сам король, степенный учитель или кухонный служка – не важно. Свое нестройное воинство я расставила у дверей замка. Нет, ни в какую Эзму эта девчонка не сбежит.

Альвгерд появилась очень скоро. Растрепанные косы, шальной румянец на щеках и огромный узел со скарбом в руках. Уставилась на нас своими синими глазищами.

– Куда вы собрались, ваше высочество? – мне сложно было скрыть свое злорадство.

– Как всегда в это время, прокатиться. Мой конь уже должен быть под седлом, – когда Альвгерд врала, голос ее становился выше.

– Боюсь, не получится. Сейчас вы отправитесь к себе, переоденетесь в наряд, достойный королевской дочери, и спуститесь в каминный зал. Мы устроим семейный совет и, наконец, выберем вам достойного жениха. Теперь я, конечно, за принца Максимилиана. Во-первых, он старше и разумнее. Во-вторых...

Свою мысль я досказать не успела. Как оказалось, во время моей речи принцесса аккуратно отступала в ту сторону, где с лютней на плече стоял шут Болли. Когда она подобралась совсем близко, он резко отошел в сторону и разомкнул линию обороны. Альвгерд выскочила в эту щель и помчалась из замка. Мне ничего не оставалось, как броситься за ней. Следом бежало все наше длинноногое семейство. Замыкали погоню учителя и придворные.

Конь принцессы и правда был под седлом. Альвгерд выронила пару книг, однако смогла взобраться на него со всем своим скарбом. Зрелище то еще! Принцесса была в юбке, а седло мужским. Да еще ее огромный баул, где нашлось место, кажется, даже «Рыцарю телеги». В таком виде (жалко не видят женихи!) ее высочество выехала нам навстречу.

– Милая, слезай с коня! Давай вернемся в замок и все обсудим! – попросил его величество король.

– Альв, не глупи! Никто не тебя не отдаст замуж за дурака, – пообещал Алрек, в глазах которого ничего страшнее глупости не было.

– Сестрица, возьми меня с собой! – вопил ее младший брат Аскел.

Сивый принцессы пританцовывал на месте. Альвгерд как будто не могла принять решения. То ли мчаться из этих мест что есть мочи, то ли остаться в родном замке. На секунду она остановила взгляд на отце и, как мне сейчас кажется, была готова спрыгнуть с коня. Но тут вперед вышла я и сделала то, чего никто от меня не ждал. То, чего я сама от себя не ожидала.

– Как я от тебя устала! – прокричала я. – Благороднейшие дома шлют к ней сватов! Прекрасные принцы просят ее руки! Мы тут с ног сбились, чтобы принарядить и обучить ее всему, что должна знать королева! Не нравится? Так посмотри, как живут другие принцессы!

Я на мгновения замолчала, собирая свои чувства в единое целое, и затем объявила:

– Я, леди Мальфрид из Фолкмара, объявляю, что моей племяннице Альвгерд, дочери короля Магнуса, не найти своего счастья под этим солнцем и этими звездами, пока она не спасет семь девиц из благородных семейств, попавших в беду. Хлебни пыльных дорог и грязных трактиров, погляди на вздорных правителей и их глупых дочек, самодовольная девчонка! А если не справишься, повторяй мою судьбу! Сиди в башне с горой книг и летучими мышами и помогай растить неблагодарных детей своих братьев.

– Мальфрид! – в ужасе вскрикнул Магнус. – Немедленно расколдуй ее обратно!

Но я и не подумала. Проклятье вступило в действие. Все вокруг замерли. За какой-то миг Альвгерд осмотрела всех тех, с кем рядом росла, ее глаза наполнились слезами, она ударила пятками по бокам коня и направила его к мосту через ров.

– Дочка! – бросился следом ее отец.

– Альвгерд! – кричали братья.

– Принцесса! – звали все остальные.

Но Альвгерд все сильнее подгоняла своего сивого, и вскоре ее узкая спина и две темных косы исчезли из вида.

Разумный Алрек подошел к уже практически рыдающему королю и пообещал:

– Она вернется. Вот увидишь – к вечеру вернется.

– Я еду в погоню, – объявил Бьярни.

– Нет, я, – закричал Аскел.

А чертов шут – конечно, он был тут как тут – едва слышно прошептал: «Нет, она уехала навсегда».

Глава 1

Смурной бард

Мальчишка в лазурном берете явился на ярмарку ни свет ни заря. Как он объяснил указавшей ему дорогу вдове Катель, боялся пропустить выступления менестрелей.

– Будто эти бездельники просыпаются раньше полудня, – рассмеялась добрая женщина.

Разумеется, она оказалась права. Пареньку пришлось бы долго бродить без дела, но он взялся помочь госпоже Катель с привезенным из деревни товаром. Чем ее удивил, так как по одежде был явно из знатных. Вместе они быстро разгрузили возок с овощами. Любитель менестрелевых вирш делал это впервые, но был толков и ловок. В благодарность крестьянка угостила его печеными яблоками.

– Откуда ты родом, сынок?

– Из Северного королевства.

– А куда путь держишь?

– На учебу в Эзму.

Худенькому парнишке и правда лучше было учиться колдовству иль чему такому, а не рыцарскому делу. Старший сын вдовы Катель Съе одних с ним лет, а на голову выше и втрое шире в плечах. Тому, что явившийся на ярмарку мальчик при мече (а